

Ю.Ф. Никитина

**Регионализация на макроуровне в
условиях деглобализации**

Рекомендуемая форма библиографической ссылки

Никитина Ю.Ф. Регионализация на макроуровне в условиях деглобализации // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности: труды 6-й Международной конференции (2-3 февраля 2023 г., Москва). — М.: ИПМ им. М.В.Келдыша, 2023. — С. 261-268. — <https://keldysh.ru/future/2023/19.pdf> <https://doi.org/10.20948/future-2023-19>

Регионализация на макроуровне в условиях деглобализации

Ю.Ф. Никитина

Институт философии Национальной академии наук Беларуси

Аннотация. Показано, что глобализация выполняет не только консолидирующую функцию, но обладает и разделительным потенциалом, что явилось причиной сегментации мировой экономики на несколько крупных зон. Проанализированы причины регионализации на макроуровне. Выявлены экономические факторы доминирования модели «нового регионализма» (зоны свободной торговли – ЗСТ, ЗСТ+). Установлена смена тенденции, характерной для государств Западной Европы и США на протяжении последних 40-50 лет, от деиндустриализации к рещорингу.

Ключевые слова: глобализация, деглобализация, регионализация, новый регионализм, рещоринг

Regionalization at the macro level in the context of deglobalization

Yu.F. Nikitsina

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus

Abstract. It is shown that globalization performs not only a consolidating function, but also has a dividing potential. This was the reason for the segmentation of the world economy into several large zones. The causes of regionalization at the macrolevel are analyzed. The economic factors of the dominance of the model of «new regionalism» (FTA, «FTA+») are revealed. Revealed a change in the trend characteristic of the states of Western Europe and the USA over the past 40-50 years, from deindustrialization to reshoring.

Keywords: globalization, deglobalization, regionalization, new regionalism, reshoring

Структурные изменения, происходящие в мировой экономике со второй половины XX в., тесно сопряжены с глобализацией и ее влиянием на экономические и социальные процессы. И если в первое время среди ученых велись дискуссии о том, насколько глобализация является действительно существующим (протекающим) на практике явлением, либо это всего

лишь теоретический конструкт, то в последние несколько десятилетий подавляющее большинство ученых рассматривали глобализацию как факт.

Вместе с тем было бы большим преувеличением утверждать, что глобализация охватывает весь мир, позволяя любой национальной экономике быть вовлеченной в масштабный интеграционный процесс. Помимо консолидирующей функции глобализация продемонстрировала и раздвигательный потенциал, явившись фактором новой стратификации на государственном и межгосударственном уровнях, определяя новую иерархию мироустройства. Будучи сложным процессом генезиса взаимосвязей между странами, глобализация, с одной стороны, способствует открытости и динамичности национальной экономики, социума в целом, с другой, может привести к снижению темпов экономического роста либо консервации страны ввиду ее недостаточной функциональности для мирового сообщества, невовлеченности в технологический прогресс. В результате чего мировая экономика оказалась сегментирована на несколько крупных зон, представленных группой стран: с одной стороны, это высокоразвитые экономики, определяющие траекторию динамики мировых экономических процессов, с другой, группа государств, с экономической точки зрения привлекательных для первых и потому выполняющих роль производственных площадок глобальных цепочек добавленной стоимости, и третья зона, представленная странами фактически не вовлеченными в международный производственный процесс.

В результате на карте экономической географии формируется новая модель «центра–периферии». В связи с этим перед каждой страной, желающей стать полноценно активным субъектом на международной арене, стоит задача встроиться в складывающийся миропорядок. Тем не менее, на сегодняшний день отдельно взятому государству в одиночку достаточно сложно достичь этого. По этой причине на фоне глобализации стали зарождаться новые формы организационно-экономических отношений – глобальная регионализация. В результате заключаемых межгосударственных соглашений, посредством объединения экономических, политических, военных, технико-технологических и прочих ресурсов, формируется союз (блок), способный стать одним из центров силы в структуре глобального мира (Евросоюз, НАФТА, МЕРКОСУР, АТЭС, ЕАЭС). Эти крупные самостоятельные экономические и политические сегменты встраиваются в современные международные отношения, тем самым определяя ландшафт геополитики, экономические трансформации, социальную динамику [1].

Одна из определяющих причин глобальной регионализации – конкуренция за позиции в архитектуре глобальной экономической системы, обладающие хоть сколько-нибудь значимой глубиной и масштабами влияния не только на внутригосударственные, но и на межгосударственные процессы.

Европейский союз – первый и наиболее известный в широких кругах пример воплощения в действительности региональной экономической ин-

теграции. На протяжении более сорока лет второй половины XX в. европейская модель регионализации рассматривалась в качестве образца для прочих государств, вступающих на путь экономической интеграции. В ее основе пятиступенчатый принцип, где каждая ступень – закономерный шаг вперед на пути к последующей, более глубокой интеграции.

Но фактически к началу 1990-х гг. Европейский союз, еще находившийся в процессе становления, оказался единственным успешным примером экономической интеграции среди множества инициатив регионализации в соответствии с данным пятиступенчатым принципом, предпринятых другими государствами.

По отличной от европейской модели протекала интеграция в бывших колониальных странах, в последующем концептуализированная как «новый регионализм».

Сама глобализация в ее экономическом аспекте явилась фактором регионализации на макроуровне, поскольку в условиях рассредоточенного производства (глобальные производственные цепочки, глобальные цепочки добавленной стоимости) комплектующие конечного продукта, стоимость которых возрастает по мере пересечения ими государственных границ, в очередной раз проблематизировали вопрос издержек. В первой ступени классической модели региональной экономической интеграции – зона свободной торговли – был эксплицирован потенциал механизма удешевления межгосударственной циркуляции промежуточных товаров в рамках производственных цепочек.

За последние 70 лет создание зон свободной торговли происходит периодически, что позволяет говорить о том, что этот процесс приобрел характер тенденции. Более того, наблюдается их количественный рост. Так, в период с 1948 по 1990 гг. было заключено 28 региональных торговых соглашений, в то время как с 1990 по 2020 гг. во Всемирную торговую организацию поступило 482 уведомления о заключении соглашений о создании зон свободной торговли. В 2022 г. функционировали 355 зон свободной торговли, в то время как в 1990 г. их было всего 22 [2].

Подъем стран с развивающейся экономикой, рост импорта из которых стал оказывать давление на производство и занятость высокоразвитых стран, нарушив прежний баланс выгод и издержек осуществляемой последними политики открытой торговли, привели к усилению нетарифных мер, как защитного механизма, на фоне продолжающейся либерализации, снижения ставок таможенных пошлин. Именно с этого времени, начала 2000-х гг., отмечается чрезвычайно быстрый рост количества региональных торговых соглашений (1990 г. – 22 ЗСТ, 2000 г. – 81, 2020 г. – 311, 2022 г. – 355) [2].

Как отмечалось выше, согласно европейской модели регионализации ее первый этап – зона свободной торговли – регулирует сферу торговых отношений. Однако ввиду роста доли услуг в мировой торговле, усиления не-

тарифных мер, формат зоны свободной торговли в рамках модели «нового регионализма» был расширен до так называемой «зоны свободной торговли плюс» («ЗСТ+»). Последняя, помимо ликвидации количественных и ценовых барьеров, способствует либерализации инвестиционного сотрудничества, торговли услугами, гармонизации технических стандартов, регулирует вопросы интеллектуальной собственности и т.п. Данный формат («ЗСТ+») был доминирующим в последние годы, во многом обусловив переход от двусторонних и многосторонних торговых соглашений к мегарегиональным (создание ЗСТ, охватывающей несколько континентов, причем включающей не менее двух ведущих мировых экономик). Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП – соглашение о свободной торговле между США и ЕС) и Транстихоокеанское партнерство (ТТП – преференциальное торговое соглашение между 12 странами Азиатско-Тихоокеанского региона) – формирующиеся мегарегиональные торговые образования, которые, как прогнозировалось, потеснят ВТО в качестве ведущей организации, регулирующей мировую торговлю, запустив масштабные трансформации мирового торгового-экономического ландшафта [3,4]. Однако осуществляемая с середины прошлого века политика торговой открытости в последние несколько лет сменяется радикальным расширением протекционистских мер, практикой торговых войн, экономических санкций и сопутствующим этому спадом интереса к мегарегиональным соглашениям о свободной торговле (в частности, в 2017 г. США выходит из ТТП, а также останавливает переговоры по ТТИП) [3,5].

Действующий в экономической сфере примат количественных показателей (экономия издержек, максимизация прибыли и т.п.) на протяжении многих лет детерминировал характер конкурентной борьбы, разворачивающейся между странами за возможность быть интегрированными в глобальные цепочки добавленной стоимости, а также место и роль в них, выражавшихся в формировании условий в плоскости экономического и юридического полей, привлекательных для транснациональных корпораций. Ввиду чего экономическая глобализация на протяжении нескольких десятилетий распространялась в направлении регионов с дешевой рабочей силой.

Однако стагнирующая экономика высокоразвитых стран, вследствие мирового экономического кризиса начала XXI в., обусловила пересмотр тенденции деиндустриализации, характерной для государств Западной Европы и США на протяжении последних 40-50 лет, и попытку придания ей обратного вектора – рещоринга (процесс возврата выведенных за рубеж производств). Английский экс-премьер-министр Дэвид Кэмерон (David Cameron) на Всемирном экономическом форуме в Давосе в 2014 г. рассмотрел процесс возврата рабочих мест из Китая и Индии и оценил как зарождающийся тренд [6].

В ходе анализа экспертной точки зрения причин решоринга Европейским союзом и США своих промышленных мощностей из развивающихся стран в качестве основных нами были выделены следующие [7,8,9,10]:

1. Рост экономического могущества Китая, а также его влияния на международную политику породили опасения стран Европейского союза и, наверное, в наибольшей степени США о неизбежном перераспределении сфер влияния, вследствие чего локализация в этом регионе новейших производственных мощностей стала рассматриваться в качестве угрозы национальной безопасности развитых стран. Продолжительная локализация в странах с дешевой рабочей силой современных западных производственных мощностей привела к оформлению собственных квалифицированных инженерно-технических кадров, а также высокотехнологичных разработок, встраиванию местных предприятий в мировые производственные цепочки, глобальные рынки капитала. Яркий тому пример – отвоеванное азиатским регионом лидерство в сфере производства литий-ионных аккумуляторов, которые изначально были разработаны в США.

2. Экономическая глобализация на протяжении нескольких десятилетий распространялась в направлении регионов с дешевой рабочей силой. Однако рост благосостояния Китая, стран Юго-Восточной Азии и, как следствие, заработной платы местных трудовых ресурсов ощутимо сократили прежде существовавшую с западными государствами разницу в оплате труда. Расширение автоматизации трудоемких процессов, резкое повышение производительность труда, привело к сокращению потребности в прежних объемах рабочей силы, а также к изменению требований к ее характеристикам.

Экологический аспект и сопряженное с ним налогообложение в свое время явились одной из ведущих причин вывода постиндустриальными странами своих производственных мощностей в офшоры. Однако произошедшая с тех пор стандартизация экологических норм, в том числе и в азиатском регионе, обусловила утрату целесообразности, с точки зрения производственных издержек, их нынешней дислокации.

Все это привело к ситуации, когда прежнее ценовое преимущество производственного процесса, например в Бразилии, было подорвано, превратив ее в одну из самых дорогих стран; нахождение производственных мощностей в Мексике оказалось дешевле, чем в Китае, а Великобритания стала производителем с самой низкой стоимостью в Западной Европе.

Перманентная борьба компаний за сокращение издержек обрела новый виток в условиях одной из самых продолжительных рецессий, вызванной Мировым экономическим кризисом начала XXI в. С целью минимизации затрат внимание европейских и американских компаний было обращено на транспортные расходы, таможенные пошлины, в первую очередь тех товаров, основные потребители которых находятся на Западе. В данном случае в качестве еще одного аргумента отмечается важность

нахождения производителя вблизи своих основных покупателей, что позволяет более оперативно реагировать на изменения спроса.

Все перечисленные в данном пункте факторы составили основу экономической целесообразности перевода прежде выведенных промышленных мощностей в страны исходной дислокации, что вызвало трансформацию глобальной карты производств, а также сложившейся международной сети цепочек поставок.

3. Репутационный аспект. В 1990-ые гг. мировые рынки были заполнены доступной по стоимости, низкокачественной продукцией широкого потребления, произведенной в Китае, в результате чего за торговой маркой «Made in China» закрепились ассоциации с чем-то недолговечным, некачественным. В разные периоды Япония, Великобритания и даже Германия сталкивались с аналогичным негативным восприятием произведенной на их территории продукции, но упорная работа по улучшению качественных характеристик товара позволила преодолеть негативные стереотипные установки среди потребителей, повысив уровень их лояльности. На протяжении последних двадцати лет Китаем также осуществляются планомерные усилия по повышению качества продукции. Вместе с тем сопутствующие подобной негативной коррелятивной связи издержки обусловили попытку ребрендинга. Так, ряд компаний вместо широко известной маркировки «Made in China» прибегли к «Made in PRC» («Made in People's Republic of China» («Произведено в Китайской Народной Республике»)) [11].

Согласно результатам исследований FTI Consulting, чаще всего американские потребители отказываются от продукции, изготовленной в Китае (40%). 78% опрошенных готовы платить больше за товар при условии возврата компаниями своей производственной базы из Китая. 24% респондентов отказываются от продукции из Юго-Восточной Азии и только 12% – от произведенной в Европе [12: 19-20].

Анонсированный в 2015 г. Национальный стратегический план модернизации производственного сектора Китайской Народной Республики «Made in China – 2025» ставит перед страной амбициозную цель – достижение позиции лидера глобального рынка высокотехнологичных продуктов и услуг с полной независимостью от иностранных технологий, что с неизбежностью сопряжено с революцией в области качества. Ожидается, что его реализация будет способствовать повышению репутационного капитала страны, позволив уйти от статуса «мировой фабрики» дешевого, низкокачественного товара. Однако следует отметить, что данный план и сопутствующие действия правительства Китая вызывают обеспокоенность и сопротивление со стороны конкурентов, упрекающих первых в несоблюдении принятых правил международной торговли, дискриминации иностранных инвестиций.

4. Снижение затрат на энергоресурсы в США, в результате разработки технологии добычи сланцевого газа, стало значимым основанием для принятия правительством этой страны решения о рещоринге.

5. И, пожалуй, одна из самых веских причин – это необходимость преодоления безработицы, с которой столкнулись высокоразвитые страны с наступлением Мирового экономического кризиса. Так, в одном из докладов Всемирного экономического форума отмечается сильная взаимосвязь между отраслями промышленности, в результате чего упадок одной неизбежно приводит к упадку другой. К тому же процесс переноса производств из промышленно развитых стран, опять-таки в силу тесной межотраслевой взаимосвязи, способствовал трансформациям социальной структуры в этих государствах. Производство высокотехнологичного продукта не существует само по себе, оно тесно сопряжено с производством комплектующих, а также научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими центрами. Иными словами, как только конечное производство выводится за рубеж, то постепенно туда же перемещаются поставщики компонентов и инженеры. В докладе Европейской Комиссии «За европейский промышленный ренессанс» говорится, что укрепление промышленности окажет конструктивный эффект на рынок труда, науку и инновации, поскольку промышленный сектор формирует 80% исследований и разработок. Почти каждое четвертое высококвалифицированное рабочее место в частном секторе ЕС создано промышленными предприятиями. В свою очередь каждое новое рабочее место в промышленной сфере приводит к созданию 0,5-2 новых рабочих мест в других секторах экономики [9: 1].

Деглобализация, как вынужденная временная мера периода активной фазы распространения коронавирусной инфекции Covid-19, а ныне носящей иной характер ввиду геополитической напряженности, привели к взрывному росту неопределенности в мировой экономической, политической и социальной системах. Российская Федерация и Республика Беларусь, столкнувшиеся с беспрецедентным санкционным давлением, разрывом производственных, логистических цепочек, культурой отмены, запретом на символы государственного суверенитета, кодификацией их территорий в качестве «серой зоны», оказались перед лицом необходимости реформатирования географии международных отношений. Интеграционные процессы на базе Союзного государства России и Беларуси, Евразийского экономического союза обретают колоссальное значение в нынешних условиях.

Литература

1. *Леонова О.Г.* Глобальная регионализация как феномен развития глобального мира // [Век глобализации. 2013, №1.](#)

2. Regional Trade Agreements // WTO OMC.
<https://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx>.
3. *Афонцев С.А.* Что на самом деле означает транстихоокеанское партнерство // [Россия в глобальной политике. 2016, №1](#).
4. Мамедова А.О. Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство: конец проекта или передышка? // [Вестник Московского университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2020, 12\(4\)](#).
5. *Афонцев С.А.* Новые тенденции в развитии мировой экономики // *Мировая экономика и международные отношения* 63(5), 36-46 (2019).
6. Prime minister Cameron says Europe needs to seize «re-shoring» opportunities // World Economic Forum.
<https://www.weforum.org/press/2014/01/prime-minister-cameron-says-europe-needs-to-seize-re-shoring-opportunities/>.
7. A new industrial policy for Europe: Reinforcing Europe’s industrial base to create employment and growth // Open Edition Journals.
<https://journals.openedition.org/rei/5769>.
8. Communication from the commission to the European parliament, the Council, the European economic and social committee and the committee of the regions: A stronger European industry for growth and economic recovery // Eur-Lex. Access to European Union Law. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52012DC0582&from=EN>.
9. Communication from the Commission to the European parliament, the Council, the European economic and social committee and the committee of the regions for a European Industrial Renaissance // Eur-Lex. Access to European Union Law. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52014DC0014&from=ET/>.
10. Reshoring of manufacturing to the US gains momentum // BCG.
<https://www.bcg.com/publications/2015/reshoring-of-manufacturing-to-the-us-gains-momentum>.
11. Made in PCR – какая страна производитель, расшифровка // IT-DOC.
<https://it-doc.info/made-in-prc-kakaya-strana-proizvoditel-rasshifrovka/>.
12. Shifting Expectations II // FTI Consulting.
<https://fticonsulting.com/covid-19/wp-content/uploads/2020/05/FTI-Shifting-Expectations-II-Topline-Results.pdf>